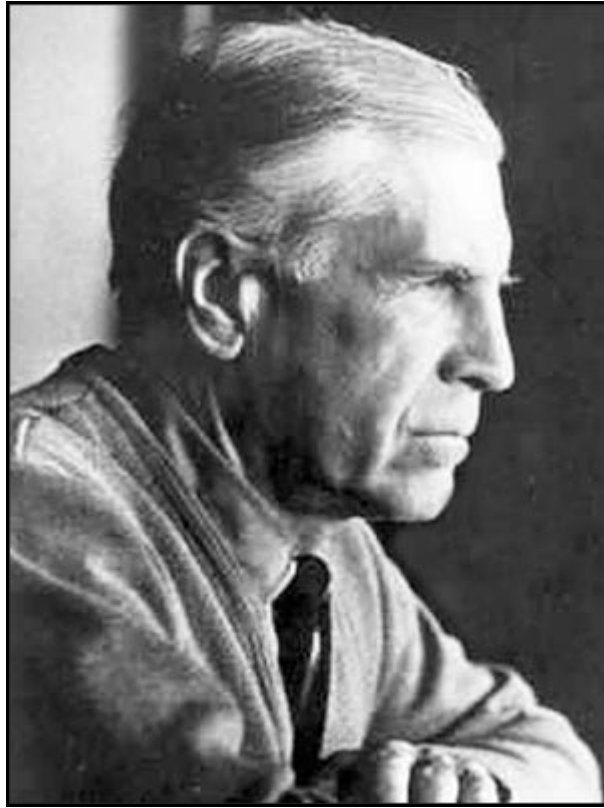

Владимир Бояринцев

АКАДЕМИК ЛЕВ СЕМЁНОВИЧ ПОНТРЯГИН

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ – НАЦИОНАЛЬНАЯ ЧЕРТА?

Читаем небольшие заметки в газете «Советская Россия» под названием «Как Мадлен Олбрайт отблагодарила спасителей» и в газете «Дуэль» – «Подарок» Олбрайт», в которых со ссылкой на кипрского журналиста говорится о том, что в начале Второй мировой войны родители Мадлен вместе с ней спасались от преследования гитлеровских палачей, оккупировавших Чехию.

Эта еврейско-чешская семья в качестве беженцев нашла приют в сербском доме в маленьком местечке Врнячка Баня. Это местечко, расположенное в 80 километрах от Кралево, и в ночь на 12 апреля 1999 года подверглось бомбардировкам. Таким способом спасенная когда-то сербами маленькая еврейская девочка, ныне выросшая в могущественного государственного секретаря США, выразила искреннюю благодарность своим спасителям.

К сожалению, кипрский журналист не говорит, были ли благодарственные слова написаны на корпусах ракет и бомб, как это было сделано при поздравлении сербов с Пасхой.

Аналогичная история, правда, не такая кровавая, но гораздо более затяжная имела место в жизни великого советского (русского) математика Льва Семеновича Понтрягина и была им рассказана в главе «Клевета» его книги «Жизнеописание Л.С. Понтрягина, математика, составленное им самим» (М., ИЧП «Прима В», 1998).

Сначала несколько слов об авторе упомянутой книги. Лев Семенович Понтрягин (1908-1998) – лауреат Сталинской, Ленинской, Государственной премий, Международной премии им. Н.И. Лобачевского, кавалер четырех орденов В.И. Ленина, ордена Октябрьской революции, ордена Трудового Красного знамени, Герой Социалистического Труда, академик АН СССР, почетный член Международной академии астронавтики, почетный член Венгерской академии наук.

АКАДЕМИК Л.С. ПОНТРЯГИН И «БЛАГОДАРНЫЕ» УЧЕНИКИ

«Малая Советская Энциклопедия» (1959) подвела итоги первой половины жизни Л.С. Понтрягина: «...Советский математик, -академик (с 1958 года). 14 лет потерял зрение от несчастного случая... Основные работы относятся к топологии (топология – область математики, изучающая топологические свойства фигур, т.е.» свойства, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов и склеиваний – В.Б.), теории непрерывных групп и теории обыкновенных дифференциальных уравнений с их приложениями».

Вторая половина жизни Л.С. Понтрягина и его научные достижения этого периода отражены в «Энциклопедии для детей. Математика» (1998): «...Конструирование ракет дальнего действия стимулировало развитие оптимального управления (Л.С. Понтрягин, Р. Беллман) ... Упомянем о теории оптимального управления техническими и производственными процессами. Понятие выпуклости играет важную роль в доказательстве одной из важнейших теорем этой теории – принципа максимума («принцип максимума Понтрягина» – В.Б.), который был установлен в середине 50-х годов советскими математиками Л.С. Понтрягиным, В.Г. Болтянским и Р.В. Гамкрелидзе (о Болтянском см. ниже – В.Б.) ...». Одним из создателей (нового направления, названного *оптимальным управлением*), был «российский математик Лев Семенович Понтрягин» ...).

Добавим, что принцип максимума Понтрягина нашел многочисленные приложения, в частности, в космонавтике. В связи с этим автор был избран почет-

ным членом Международной академии астронавтики вместе Ю.А. Гагариным и В.А. Терешковой.

Итак, возвращаясь к упомянутой выше главе «Клевета» книги Л.С. Понтрягина, читаем: «Мне хочется понять, почему я стал объектом столь злобных нападок со стороны сионистов. В течение многих лет я широко использовался еврейскими советскими математиками, оказывал им всяческую помощь. В частности, я помог Рохлину (математику – В.Б.) выбраться из проверочного сталинского лагеря и устроиться на работу. Я даже готов был поселить его в своей квартире. Теперь они об этом уже не помнят. Правда, в конце 60-х годов, когда я понял, что используюсь евреями в их чисто националистических интересах, я перестал оказывать им помощь, но вовсе не стал действовать против них. Таким образом, долгое время сионисты считали меня своей надежной опорой. Но в конце 60-х годов лишились ее. Возможно, что именно поэтому у них возникло ощущение, что я являюсь как бы предателем их интересов».

Эта цитата, фактически, не дает примеров помощи академика еврейским советским математикам, но в самой книге содержатся многочисленные конкретные примеры такого содействия.

Остановимся на некоторых из них и на высказываниях его учеников и помощников на тему государственного «антисемитизма».

«Мои отношения с В.А. Ефремовичем начались с моей юношеской влюбленности в него на первом курсе... Тяжкий удар по этой любви нанес мне Ефремович в 1936 году... Он предал меня...». Но после ареста Ефремовича в 1937 году Л.С. Понтрягин неоднократно обращался к начальству с ходатайством об освобождении, последний раз это было письмо на имя И.В. Сталина.

«За Ефремовичем поехал его близкий друг и товарищ Гальперин.». После освобождения Ефремович фактически «жил у нас на квартире семь лет и проявлял здесь очень большую бестактность, чем надоел нам под конец до смерти. Мы с трудом выселили его...».

Позже, в 1962 году, Ефремович стал рваться поступить в Стекловский институт и достиг этого при моей помощи, а также помощи Е.Ф. Мищенко, зам. директора института, и при сочувственном отношении И.М. Виноградова, директора института... Не понимая того, с каким доброжелательством Виноградов и Мищенко отнеслись к приему его в институт по моей просьбе, он все время злобствовал на них...».

Одним из увлечений Л.С. Понтрягина стало вариационное исчисление. «Так у меня возникли научные контакты с Л.А. Люстерником и Л.Г. Шнирельманом... Шнирельман был незаурядный, талантливый человек, с большими странностями. Было в нем что-то неполноценное, какой-то психический сдвиг... Кон-

чилось это трагически: Шнирельман преднамеренно отравился». Много лет Л.С. Понтрягин дружил с Л.Д. Ландау и И.А. Кибелем.

«Выдающийся алгебраический геометр и тополог Соломон Александрович Левшиц впервые появился у меня на квартире, по-видимому, в 31-м году. Привел его ко мне Шнирельман.». И далее о Левшице: В начале нашего знакомства он пригласил нас с мамой {напомним, с 14 лет Л.С. Понтрягин был слепым – В.Б.) в США на один год... Меня не пустили. Очень легкие до этого поездки за границу советских математиков стали к этому времени уже труднее... К отказу в поездке мне, по-видимому, приложили руку моя приятельница по университету студентка Виктория Рабинович и наша преподавательница философии Софья Александровна Яновская. Во всяком случае, однажды Яновская сказала мне: «Лев Семенович, не согласились бы Вы поехать в Америку с Витей Рабинович, а не с матерью?» «После отказа Л.С. Понтрягина, «намечавшаяся на 33-й год поездка в Соединенные Штаты на год не состоялась».

В 1934 году в Москву были переведены центральные органы Академии наук, а также значительная часть институтов, в том числе, Математический институт имени В.А. Стеклова – Стекловский институт. «Среди вновь привлекаемых в институт москвичей назывались шесть, которые рассматривались тогда, как молодые и талантливые. В том числе был я. Любопытно отметить, что эти шесть человек классифицировались на три пары по их «качеству». На первом месте стояли А.О. Гельфонд и Л.Г. Шнирельман, на втором месте – М.А. Лаврентьев и Л.А. Люстерник, а на третьем – Л.С. Понтрягин и А.И. Плеснер ...

Далее Понтрягин отмечает, как эта классификация выдержала проверку временем: «Шнирельман погиб от психической неполноценности, когда ему едва перевалило за 30 лет. Гельфонд вспыхнул коротким блеском в ранней молодости, решив проблему трансцендентности некоторых чисел. Люстерник вообще не достиг значительных высот, а Плеснер вообще вряд ли был сколько-нибудь значительным математиком.

Можно сказать, что проверку временем выдержали только Лаврентьев и Понтрягин... А Лаврентьев, кроме того, оказался и выдающимся организатором. Он основал новый русский научно-исследовательский центр в Новосибирске – Сибирское Отделение Академии наук СССР».

Еще один интересный факт из жизни академика: первая жена его – Таисия Самуиловна Иванова (падчерица подруги матери) окончила университет, но написать кандидатскую диссертацию не смогла; за нее это сделал Л.С. Понтрягин (работа о саранче), и после развода в 1952 году он продолжал следить за жизнью бывшей жены, которая впоследствии защитила докторскую диссертацию.

Теперь подробнее о Рохлине: «На моем горизонте заново появился мой доверенный ученик, наиболее усердный и способный слушатель моих лекций, Владимир Абрамович Рохлин. В начале войны он ушел в ополчение и пропал без вести на много лет. Только в конце войны до нас стали доходить слухи, что он был в плену у немцев, а затем мы узнали, что он освобожден и находится на проверке в советском лагере. Я написал письмо какому-то начальству с просьбой освободить Рохлина». И он вернулся в Москву, где стал помощником Л.С. Понтрягина, который даже собирался поселить его в своей квартире, но тот женился на аспирантке Л.С. Понтрягина Асе Гуревич.

«Когда Рохлин защитил докторскую диссертацию, он объявил мне, что он не может больше оставаться на должности моего помощника... На его место я взял В.Г. Болтянского, который к этому времени окончил аспирантуру в Московском университете у меня».

Л.С. Понтрягин также вспоминает еще одну свою ученицу из Московского университета – Ирину Буяновер, за которой числился некий бытовой проступок, и при попытках принять которую в аспирантуру, он даже перессорился с ректором МГУ И.Г. Петровским.

В 1968 году «благодарный» ученик Л.С. Понтрягина В.Г. Болтянский попытался единолично переиздать книгу, которая была просто переделкой совместной книги четырех авторов, представив результаты совместного труда как свои собственные. У Л.С. Понтрягина сложилось также впечатление, что Болтянский пытался сорвать его доклад на Международном конгрессе математиков в Эдинбурге в 1958 году.

А в 1969 году на конференции в Грузии Л.С. Понтрягин «впервые почувствовал некоторую недоброжелательность со стороны евреев». Непосредственной причиной этого он считал то, что пресек попытку Болтянского присвоить работу целого коллектива, приостановив печатание его книги, после чего тот «стал жаловаться на меня евреям, истолковывая мои действия как антисемитские, направленные против него как еврея».

«Книжный конфликт» имел место также у Л.С. Понтрягина с академиком Я.Б. Зельдовичем по поводу переиздания книги «Высшая математика для начинающих», про которую академик В.Н. Челомей сказал: «В конце книги академика Зельдовича сказано: «Я надеюсь, что читатель получит от моей книги удовольствие и пользу и закроет ее с удовольствием». Я также закрываю эту книгу с большим удовольствием, но с тем, чтобы к ней больше никто не возвращался».

В своей автобиографической книге Л.С. Понтрягин пишет довольно много об этом случае и заканчивает этот раздел словами: «Я отвел много места описанию случая с книжкой Зельдовича. Но этот случай является типичным. На

нем я убедился в том, что даже небольшая группа добросовестных людей может противостоять злу, если возьмется за дело с упорством и настойчивостью».

Случай с этой книгой заставил Л.С. Понтрягина обратить внимание на катастрофическое положение с преподаванием математики в средней школе на основе теоретико-множественного подхода, отличающегося повышенной степенью абстракции.

В статье «О математике и качестве ее преподавания» (журнал «Коммунист», № 14, 1980) Л.С. Понтрягин в качестве самого простого примера «усовершенствования» преподавания математики в школе приводил следующее: «Вместо общепринятого и наглядного представления о векторе как о направленном отрезке ... школьников заставляют выучивать следующее: «Вектором (параллельным переносом), определяемым парой (А,В) несовпадающих точек, называется преобразование пространства, при котором каждая точка М отображается на такую точку М₁ что луч ММ₁ сонаправлен с лучом АВ и расстояние | ММ₁ | равно расстоянию | АВ |» (В.М. Клопский, З.Е. Скопец, М.И. Ягодовский. Геометрия. Учебное пособие для 9 и 10 классов средней школы. 6-е изд. М., «Просвещение», 1980, с. 42).

В этом сплетении слов разобраться нелегко, а главное – оно бесполезно, поскольку не может быть применено ни в физике, ни в механике, ни в других науках».

АКАДЕМИК Л.С. ПОНТЯГИН – АНТИСИОНИСТ

До войны Л.С. Понтрягин познакомился с «очень милой студенткой Асей Гуревич» (впоследствии – женой математика Рохлина). «Ася Гуревич в течение нашего знакомства неоднократно обращалась ко мне с просьбой помочь кому-нибудь из ее друзей в каком-то смысле. Это были всегда евреи. Мне это не казалось странным, поскольку сама она была еврейкой и, естественно, имела такое же окружение. Но уже после войны она меня совершенно поразила одним своим заявлением. Она жаловалась мне, что в текущем году в аспирантуру принято совсем мало евреев, не более четверти всех принятых. А ведь раньше, сказала она, принимали всегда не меньше половины...».

После этой фразы В.В. Кожин (к публикации «Жизнеописания») пишет: «В 1978 году «обвинение» такого рода предъявляется уже прямо и непосредственно самому Л.С. Понтрягину как главному редактору «Математического сборника». Кто-то «подсчитал», что ранее выступавшие на страницах этого издания математики еврейского происхождения составляли 34% всех авторов, а ныне 9%.

Это толковалось как «явная дискриминация математиков еврейской национальности». «Лев Семенович с полным основанием определил подобные претензии как «расистские требования». Конечно, те, кто выдвигали эти требования, готовы были считать выражением «расизма» как раз уменьшение «доли» евреев.

Однако при элементарно объективном подходе к делу нельзя не прийти к выводу, что именно требование, согласно которому евреи, составлявшие тогда менее 1% населения СССР, «должны» составить 34% авторов математического издания, является в точном смысле слова расистским. Ибо оно со всей очевидностью подразумевает, что евреи не менее, чем в 34 раза, способнее к открытиям в математике, чем люди иных национальностей...

Недавно были опубликованы документальные сведения о «доле» евреев среди выпускников физического факультета Московского университета в конце 1930-х – начале 1940-х годов: 1938 – 46%, 1940 – 58%, 1941 – 74%, 1942 – 98% (?!! – В.Б.).

Добавим, что эти цифры ярче всего характеризуют «антисемитский» и «тоталитарный» режим И.В. Сталина!

В.В. Кожин продолжает: «Разве не очевидна заведомая «ненормальность» подобного положения дел? Оно, конечно, не могло быть некоей случайностью. Хорошо известно, что после 1917 года более или менее образованные русские люди – за исключением тех, сравнительно немногочисленных, которые самым активным образом поддерживали новую власть, – подверглись настоящей и глобальной «дискриминации». Особенно прискорбно было положение их детей, которым всячески преграждался путь к высшему и специальному образованию.»

В.В. Кожин также приводит данные по национальному составу специалистов с высшим и средним образованием, занятым в народном хозяйстве страны. Из них следует, что, если в 1960 году эти специалисты составляли 19,6% еврейского населения страны, то в 1980-году уже 31,2%, – «т.е. почти каждый третий еврей (считая детей и стариков) был «специалистом, занятым в народном хозяйстве» ... И поскольку в 1980 году 31,2% всех находившихся в стране евреев являлись «специалистами», нелепо говорить о какой-либо «дискриминации»».

Л.С. Понрягин пишет, что задолго до Московского международного конгресса математиков (1966 год) «на мир стала надвигаться новая волна сионистской агрессии. Так называемая шестидневная война 1967 года, в которой Израиль разгромил Египет, резко подхлестнула ее и содействовала разжиганию еврейского национализма... Сионистская волна этого периода носила

выраженный антисоветский характер... Вспоминается такой случай. Был такой химик – Левич – член-корреспондент АН СССР. Он захотел уехать в Израиль, но ему долго не давали визы... В ожидании отъезда ректор Московского университета Г.И. Петровский старался определить Левича в университет... Я никогда не мог понять, почему Левич захотел покинуть свою родину, страну, в которой он родился, был воспитан, стал ученым...».

Когда же в Англии в 1977 году Оксфордский университет устроил международную конференцию по случаю 60-летия Левича, Л.С. Понтрягин направил в адрес организационного комитета письмо, в котором, в частности, говорилось: «Левич не является настолько значительным ученым, чтобы в честь его юбилея устраивать международную конференцию. Во всяком случае, в Советском Союзе это не принято. Возможно, что организаторы конференции имели гуманную цель помочь Левичу выехать из Советского Союза. Вряд ли это ему поможет. Не соответствующее его научным заслугам возвеличивание Левича может лишь разжигать еврейский национализм, т.е. повышать национальную рознь...». (выделено В.Б.).

Отметим, что здесь речь шла о том самом Левиче, которого сначала воспитывал Ландау, затем Фрумкин и поддерживал ректор МГУ Петровский. Петровский, по словам Понтрягина, устроил Левина на механико-математический факультет «и дал ему кафедру по какой-то не то математической, не то механической химии. Левич набрал туда своих людей, а вскоре уехал в Израиль...».

Конфликт между американскими сионистами и советскими математиками наметился уже на Международном конгрессе 1974 года в Ванкувере и стал совершенно открытым на конгрессе в Хельсинки в 1978 году.

В 1978 году Л.С. Понтрягин был главой советской делегации на Международном конгрессе математиков в Хельсинки, где среди участников распространялась многотиражная рукопись «Положение в советской математике», о которой Л.С. Понтрягин написал: «Значительная часть информации, содержащейся в ней, заведомо ошибочна и, может быть, преднамеренно лжива...».

После отъезда из Хельсинки там состоялся «антисоветский митинг, на котором главным оратором выступал наш бывший гражданин Е.Б. Дынкин... По моему мнению, Дынкин не является сколько-нибудь значительным математиком с точки зрения советской науки. А в Америке, как мне рассказывали, он пользуется репутацией выдающегося ученого», – писал Л.С. Понтрягин.

В Хельсинки у Л.С. Понтрягина была встреча с Липманом Берсом, который после длительной беседы на прощание обозвал Л.С. Понтрягина антисемитом и выразил надежду еще с ним встретиться.

В том же 1978 году президент АН СССР А.П. Александров отстранил Л.С. Понтрягина от поста советского представителя в Международном союзе математиков. Работа в Исполкоме Международного союза математиков закончилась у него поездкой на Международный математический конгресс в роли главы советской делегации.

Л.С. Понтрягин отмечает: «...будучи членом Исполкома, я упорно сопротивлялся давлению международного сионизма, стремящегося усилить свое влияние на деятельность Международного союза математиков. И этим вызвал озлобление сионистов против себя. Думаю, что, отстраняя меня от работы в этой международной организации, А.П. Александров сознательно или бессознательно выполнял желание сионистов».

Вслед за публикацией рукописи «Положение в советской математике» в печати США появилось еще несколько статей, одна из которых была подписана шестнадцатью математиками и содержала примеры «антисемитизма», которые «скорей указывают не на антисемитизм, а на ярко выраженные расистские, сионистские требования» (Л.С. Понтрягин).

Об этом периоде своей жизни Л.С. Понтрягин писал: «Была попытка среди сионистов забрать Международный союз математиков в свои руки. Они пытались провести в президенты Международного союза математиков профессора Джекобсона, посредственного ученого, но агрессивного сиониста, мне удалось отбить эту атаку...».

Понтрягин отмечал, что многие статьи с обвинением его в антисемитизме «инспирировались эмигрантами, выехавшими из Советского Союза в США. Имея визы в Израиль. Некоторые из них не являлись сколько-нибудь значительными учеными и должны были расплачиваться за горячее гостеприимство, оказанное им в США, злобной клеветой против Советского Союза. Таково происхождение этой пропаганды, носящей явно политический характер».

Много усилий приложил Л.С. Понтрягин к изданию книг А. Пуанкаре. «Дело в том, что в работах Пуанкаре еще задолго до Эйнштейна высказаны основные положения теории относительности... Между тем сионистские круги упорно стремятся представить Эйнштейна единственным создателем теории относительности. Это несправедливо».

Конфликтная ситуация с университетским издательством возникла у Л.С. Понтрягина, т.к. его директор – Цейтлин отказывался печатать курс лекций академика несмотря на «уговоры» ректора МГУ И.Г. Петровского, который в свою очередь, не заплатил Л.С. Понтрягину за чтение этих лекций.

Когда же в конце 60-х годов Л.С. Понтрягин познакомился с работой академического издательства, где печатались его книги, он с удивлением обнаружил, что «список авторов, публикующихся там, довольно узок. Издаются книги одних и тех же авторов, и мало было книг выдающихся ученых». Издание физико-математической литературы при этом контролировалось секцией академика Л.И. Седова, и только настойчивые и решительные действия Л.С. Понтрягина позволили изменить положение дел в издательстве.

Все это привело к тому, что «благодарные» ученики академика в нашей стране и за рубежом развернули кампанию по травле Л.С. Понтрягина. Так, по «Би-Би-Си» пространно говорилось о том, что выдающийся математик Иоффе подвергается репрессиям и что репрессии против математиков принимают все более жестокий характер, а стоит за всем этим Понтрягин – «председатель комитета математиков Советского Союза».

И это не единичное обвинение! Была развернута массовая кампания, в результате которой он, в частности, был исключен из редакционной коллегии международного журнала, получив письмо от главного редактора, в котором говорилось: «...Я высоко ценю Вашу поддержку, когда Левшиц и я основали этот журнал в 1964 г. Прискорбно, что советская Академия наук не в состоянии обеспечить интеллектуальную и академическую свободу ученых в СССР. При продолжающихся репрессиях Вашего правительства советские ученые не могут рассчитывать на уважение и поддержку международной научной общественности».

Конечно, и в самих Соединенных Штатах нашлись честные люди (но их было чрезвычайно мало), которые написали редактору: «Ваши действия являются насмешкой над академической свободой, которую Вы нарушаете в Вашем собственном журнале. Это Вы – тот, кого следовало бы выгнать из журнала» (Ваши Р. Фин, Ч. Стейн).

Активную роль в травле своего научного руководителя сыграл также Болтянский, который, по замечанию Л.С. Понтрягина «стал жаловаться на меня евреям, истолковывая мои действия как антисемитские...».

Заметим, что аналогичная история, только в более крупном масштабе, с исключением из рядов международных академий, произошла и с академиком И.Р. Шафаревичем после публикации его книги «Русофобия».

Напомним, что И.Р. Шафаревич, в этой книге, в частности, писал: «Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Ев-

рейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уже существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается».

В связи с этим, Л.С. Понтрягин задает в своей книге вопрос – кому это нужно? И сам отвечает: «Прежде всего сионистам, так как сионизм не может существовать без антисемитизма, а если его нет, то его нужно выдумывать (выделено В.Б.). В Соединенных Штатах все это используется как якобы существующее общественное мнение, нужное для принятия антисоветских решений на высоком правительственном уровне. В этом сионизм и правительственные круги США вполне единодушны».

С этого момента прошло не многим более десяти лет. Разрушение Советского Союза не снизило накала антирусской кампании как в «этой» стране, так и за рубежом, теперь уже «на высоком правительственном уровне» в США принимаются антирусские и антиславянские решения, предпринимается попытка для начала поголовно уничтожить сербов, прежде чем взяться в полном объеме за Россию.

Интересно, что любые попытки в стране, состоящей на 85% из русских, употребить слово «русский» принимаются русскоязычной прессой за проявление антисемитизма. В то же время в Москву собираются евреи – участники Великой Отечественной войны и это хорошо, при этом в телевизионном сообщении идет примерно следующий текст: во время войны привилегия у евреев была только одна – у них не было шансов выжить, попав в плен (программа новостей по второму каналу от 4 мая 1999).

И как-то «забывается», что основной вклад в Победу, в дело спасения еврейского народа от гитлеровского уничтожения внесли славянские народы ценой более чем трех десятков миллионов человеческих жизней!

По свидетельству О. Платонова («Почему погибнет Америка», М., «Русский Вестник», 1999):

«Большая часть советских евреев-эмигрантов в США получают так называемую компенсацию жертвам нацистских преследований от правительства Германии. По закону, навязанному этой, стране международными еврейскими кругами, каждый еврей (не русский, не поляк, не чех), родившийся до окончания войны и находившийся какое-то время на оккупированной германскими войсками территории либо бежавший (эвакуировавшийся) с территории, в дальнейшем оккупированной немцами, получал право на компенсацию в

размере 5 тыс. марок (1989) ... (заметим, что курс немецкой марки по отношению к рублю в мае 1999 года составлял 13-14 руб. за одну марку – В.Б.)
...

Более 90 процентов евреев, получивших эту компенсацию, не были настоящими жертвами нацизма. Деньги, полученные ими, по справедливости должны были бы принадлежать миллионам русских людей (включая малороссов и белорусов), по-настоящему пострадавших от фашистской агрессии».

Таким образом возникает странная ситуация, когда денежную компенсацию за убитых славян, спасших еврейский народ от уничтожения, получают евреи, бежавшие от фашистов в глубинные районы советской страны!

По поводу же собрания евреев-ветеранов войны возникают вопросы: представляете, какой бы хай поднялся в демократической прессе, если бы такое собрание провели только русские! И еще один интересный вопрос: «Как организаторы собрания определяли принадлежность участников к евреям (ведь не секрет, что многие из них носят русские фамилии), измеряли черепа?».

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).